

ОТЗЫВ

на диссертацию Криницына Александра Борисовича

«Сюжетология романов Ф.М. Достоевского», представленную к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература

Творчество Ф.М. Достоевского в последние десятилетия стало предметом повышенного внимания исследователей. В России и за рубежом регулярно проводятся крупные международные конференции, выходит большое количество статей и монографий, целые серии публикаций. Ведется работа над изданием нового академического собрания сочинений Ф.М. Достоевского с учетом новейших достижений современного достоевведения. Основным предметом исследований при этом чаще всего становится идейно-философское содержание творчества писателя, что, впрочем, неудивительно, учитывая программную метафизичность художественной антропологии Достоевского.

Диссертация А.Б. Криницына «Сюжетология романов Ф.М. Достоевского» посвящена теме, позволяющей увидеть, как религиозно-философская проблематика романов Достоевского пронизывает все уровни его творчества, начиная с основополагающего уровня сюжета. Однако основным предметом диссертации является именно сюжетология, сюжетосложение, т.е. именно отличительные особенности *художественного* произведения, отличного от философского или религиозного трактата. Здесь Достоевский предстает прежде всего писателем, облакающим религиозно-философские размышления в романную форму, и А.Б. Криницын кропотливо прослеживает и обобщает именно приемы романной техники писателя, выводя

их, тем не менее, на уровень философской идейности, который, несомненно, имел для Достоевского ключевую важность.

Диссертация на 457 стр. состоит из Введения, 6 глав, Заключения, Приложения и Библиографии, включающей в себя 357 наименований. На защиту выносятся 21 положение, охватывающее большой художественно-идейный спектр проблематики романов Ф.М. Достоевского и во многом представляющее их новаторское прочтение.

Автор выстраивает иерархию уровней сюжета, куда входят Евангельский прасюжет, символично-аллегорический уровень, мифологический уровень, уровень романической интриги, идейно-психологический уровень, злободневно-политический уровень. Система уровней и взаимоотношений между ними выстроена со скрупулезной тщательностью и строгой аргументированностью. В конструировании этой иерархии ценно то, что отношения между предыдущим и последующим уровнями часто трактуются как отношения переосмысления и зачастую спора, что является одним из составных элементов динамичности и неоднозначности мысли Достоевского уже на структурном уровне его романов.

В своем диссертационном исследовании А.Б. Криницын последовательно, тонко и искусно показывает, как структурные элементы каждого романа вступают с друг с другом в амбивалентные отношения сопоставления, что делает читательскую задачу постижения смысла каждого романа более увлекательной и одновременно более сложной.

Особая важность работы состоит в универсальности разрабатываемой структуры сюжетологии Достоевского, что позволяет увидеть как целостность его творчества, так и индивидуальные видоизменения общих принципов сюжетосложения, что делает наглядно показывает, как именно каждый роман встраивается в общую архитектонику всего творчества писателя.

В диссертации также последовательно анализируются различные романские поджанры и их использование в творчестве Достоевского, что приводит автора исследования к очень важному тезису о парадоксальности сюжетопостроения у Достоевского. Например: «Парадокс построения сюжета у Достоевского состоит в том, что писатель пытается соединить спонтанность развертывания остросюжетной интриги с непреложностью осуществления сюжета символично-философского, имеющего трагический характер и предрешенного с самого начала действия» (с. 52). Или: «Сам авантюрный сюжет у него остается за пределами актуального романного времени. Замысел оригинален: построить психологический роман на пепле несостоявшегося, но только обещанного авантюрного. Последний превращается в сюжетную потенцию, необходимую для создания драматического напряжения. Главным приемом сюжетосложения становится именно бесконечная вариативность потенциального сюжетного развития, которая пытается подменить собою сам сюжет» (с. 252).

Таким образом, работа Криницына продолжает традицию концептуальных осмыслений творчества Достоевского в целом, какими были работы М.М. Бахтина о полифонии и диалогизме у Достоевского (с Бахтиным автор исследования иногда корректно спорит: «.. сама концепция диалогизма М. Бахтина лишается своей универсальности» [с. 337]), О. Меерсон о роли табу и не-упоминания явлений и событий у Достоевского и т.д. При этом, несмотря на вышеуказанный мягкий спор с Бахтиным, автор данного исследования выводит проблематику диалогизма с присущего ей идейного на базовый сюжетный уровень. Взаимоотношения выделенных автором шести уровней представляют собой своего рода жанрово-структурный диалог разных форм в каждом романе Достоевского.

Хотелось бы отметить, что в гуманитарных науках вопрос верифицируемости исследований, обычно требуемой для подтверждения итогов работы, принципиально отличается от верифицируемости в науках точных и естественных в силу различия методов гуманитарных и негуманитарных наук. Но подтверждение новым методом, на ином уровне анализа, результатов, полученных другими исследователями, и, более того, их существенное углубление и расширение представляется несомненной - и редкой, а потому особенно ценной - объективной верификацией результатов научного гуманитарного исследования.

Из высокого качества проведенной работы проистекает и еще одно ее неоспоримое достоинство: она не только дает четко выстроенную и аргументированную картину динамического развития сюжетологии у Достоевского, но и заставляет читателей идти дальше в их осмыслении места сюжетологии в развитии сюжетостроения в европейской литературе в целом. В частности, было бы любопытно задуматься над тем, что европейский роман до XVIII в. представлял собой некое сцепление элементов, связанных не логически выстроенной событийной линией, но героем и его личностью. Собственно, таков любимый Достоевским «Дон-Кихот» М. де Сервантеса. Аргументированно выстроенная автором диссертации иерархия уровней сюжетологии Достоевского и результат взаимодействия этих уровней в рамках одного произведения заставляют задаться вопросом о том, не возродилась ли в творчестве Достоевского, уже на новом уровне и благодаря новым задачам, поставленным автором, героцентричная модель сюжета, долгое время доминировавшая в европейской культуре и сейчас возрождающаяся, например, в жанрах некоторых сериалов. В этой связи было бы любопытно в дальнейшем в круг вопросов сюжетологии ввести вопрос о сериализации

романов и влиянии этой формы не только публикации, но и написания романов XIX в. как в Европе, так и в России.

Диссертационное исследование А.Б. Креницына твердо укоренено в существующей исследовательской традиции, его автор показывает блестящее знание современного состояния изучения творчества Достоевского. Одновременно это целиком самостоятельное, оригинальное и независимое исследование, которое будет интересно как уже состоявшимся специалистам, так и студентам. Это, несомненно, новый и очень значительный вклад в современную достоевистику. А.Б. Креницын предлагает принципиально новый взгляд на иерархию сюжетосложения в творчестве Достоевского, предлагает собственную иерархию его уровней и доказательно демонстрирует актуальность и востребованность своего исследования.

Однако в работе также имеются некоторые недостатки. На с. 51 со ссылкой на Л.П. Гроссмана и М.Г. Давидовича указывается, что «пытаясь создать увлекательный сюжет, Достоевский активно прибегает к расхожим приемам бульварного, авантюрного, любовного, детективного романов». Что бы ни писали Л.П. Гроссман и М.Г. Давидович, в эпоху Достоевского никак не могло быть «расхожих» приемов детективного романа просто в силу отсутствия детективного романа как четко сформировавшегося жанра. Были только начатки детектива - рассказы Эдгара По, с которыми Достоевский был, несомненно, знаком, романы Уилки Коллинза, знакомство с которыми менее вероятно («Лунный камень» был написан в 1868 г.; Коллинза переводили на русский, но, судя по списку названий, переводчиков прежде всего интересовали его социальные и приключенческие произведения). Скорее, Достоевский сам *создавал* новые жанровые формы. Написанное в 1866 г. «Преступление и наказание» - пожалуй, первый детектив, где преступник известен с самого начала, и интрига состоит не в раскрытии личности убийцы,

согласуется с художественными принципами Достоевского, где поступки героев, их мотивация и их последствия часто оказываются именно отталкиванием от романских традиций и клише и прямолинейных представлений о принципах человеческого поведения. Возможно, здесь перед нами - очередной эксперимент Достоевского с романским клише.

Однако вышеназванные недостатки не отменяют общего положительного впечатления о работе. Содержание диссертации адекватно отражено в автореферате. Диссертация апробирована в 18 статьях, опубликованных в издательствах, рекомендованных ВАК РФ. Диссертация полностью соответствует требованиям пп. 9, 10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», предъявленным ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации к исследованиям подобного рода, а её автор - Александр Борисович Криницын заслуживает присуждения учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 - русская литература за разработку теоретических положений, являющихся новым крупным научным достижением в области изучения русской литературы в целом и творчества Ф.М. Достоевского в частности.

Ковалевская Т.В.

25 января 2017 г.

Ковалевская Татьяна Вячеславовна, Ph.D., кандидат филологических наук (специальность 10.01.01), доктор философских наук (специальность 09.00.13), доцент, профессор кафедры иностранных языков факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Избранные публикации

1. Ковалевская Т.В. Достоевский и массовая культура XX века. Трансформация философской антропологии. // *Dostoevsky Monographs*. Вып. 5. Современные проблемы изучения биографии и поэтики Достоевского. Рецепции, вариации, интерпретации. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 170—179.
2. Ковалевская Т.В. Философская антропология Достоевского: обожение, самообожение и рождение современного homo inhumanus. // Материалы Международной конференции «Ф.М. Достоевский и судьба человечества сегодня». Пекин, 21-24 октября 2016 г. С. 51-61
3. Ковалевская Т.В. Мармеладов как микрокосм: грехопадение, апокалипсис и народное христианство. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 2 (56), 2016, ч. 1. С. 38-43.
4. Kovalevskaya T. The Life and Times of Fyodor Dostoevsky: Realism in the Golden Age // *Critical Insights. Russia's Golden Age*. Salem, 2013. P. 156-171.
5. Бузина Т.В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 352с.